

Report by Denis Leven

Состояние общества в России: старое умерло, новое ещё не родилось

*State of Civil Society in Russia:
The old one is dead, the new one not yet born*

Commissioned by Greens/EFA in the European Parliament
December 2022

Спустя десять месяцев после начала войны мы видим значительное сокращение возможностей во всех сферах общественно-политической жизни. Десятки крупных СМИ и тысячи интернет-ресурсов были [вынуждены](#) закрыться или перестать функционировать на территории России из-за нового репрессивного законодательства. Масштабным политическим репрессиям подверглись [тысячи](#) активистов и политиков, выступающих против войны, а также объединение независимых наблюдателей на выборах [«Голос»](#). Даже скромные и безобидные муниципальные выборы в Москве были [ознаменованы](#) силовым отстранением оппозиционных кандидатов. Под давлением государства попали многие члены профессиональных сообществ, подписавших открытые антивоенные [обращения](#), в том числе благотворительные [НКО](#). Сокращения и репрессии коснулись даже лояльных прокремлёвских [движений](#).

Этот беглый обзор показывает, что независимая от государства общественно-политическая активность практически невозможна в новых условиях в России. Однако это не означает, что практики коллективных действий и публичной политики уже полностью исчезли. Потребность в них никуда не делась, поэтому люди ищут доступные и безопасные альтернативы. В связи с мобилизацией появилось два заметных направления общественно-политической деятельности, которые для некоторых людей выполняют роль альтернативы закрытым формам: во-первых, правозащитная деятельность в отношении тех, кому грозит мобилизация, и во-вторых, гуманитарная помощь беженцам и другим пострадавшим от боевых действий и мобилизации.

Эффекты мобилизации

Влияние мобилизации на российское общество можно разделить на три группы. Первая включает в себя массовую эмиграцию некоторых групп граждан. Вторая заключается в усилении неравенства (1) между столичными регионами и провинцией и (2) между теми, кто имеет «бронь»¹ от мобилизации и теми, у кого её нет.

Оценки о количестве уехавших россиян после 21 сентября [колеблются](#) между 600 000 и 1 миллионом человек. Учитывая, что часть уехавших уже успели вернуться, о точных оценках говорить не приходится. Важно понимать, однако, что основная категория отъезжающих — мужчины 18-49 лет, то есть самая экономически активная

¹ [Бронь](#) — это временная отсрочка от призыва, мобилизации и мобилизационной подготовки для сотрудников госорганов, местных органов власти и компаний, которые государство считает критически важными

часть мужского населения. Это так или иначе скажется на состоянии рынка труда, а также на объёме налоговых поступлений в бюджет.

При этом важно, что если первые волны эмиграции состояли в первую очередь из представителей высокооплачиваемых профессий из сферы бизнеса и IT, то после 21 сентября можно [отметить](#) тренд на выравнивание состава отъезжающих — существенно расширилось количество «синих воротничков», ищущих работу за границей. Поэтому определённый эффект от отъезда будет заметен в более широком спектре отраслей российской экономики.

Мобилизация очень неравномерно коснулась разных регионов России. В [лидерах](#) по количеству мобилизованных к числу резервистов оказались Красноярский край (5,5%), Севастополь (4%) и национальные республики: Бурятия (3,7%), Дагестан (2,6%) и Калмыкия (2,2%). При этом можно заметить [закономерность](#): доля призывников выше в тех регионах, где среднедушевой доход заметно ниже среднего по России. Это объясняется в числе прочего тем, что для граждан из малообеспеченных слоёв общества [обещанные](#) 195 тысяч рублей выглядят более заманчиво, чем для представителей среднего класса крупных городов. Поэтому высокие квоты для бедных регионов – это расчёт на то, что в них найдётся больше желающих.

Мобилизация неравномерно распределилась и по профессиональным сферам, прежде всего за счёт системы «брони», которая позволяет при определённых условиях быть застрахованным от мобилизации. Несмотря на то, что о сложившейся системе говорить не приходится, утверждается, что правом на «бронь» [обладают](#): сотрудники оборонных предприятий, специалисты IT-отрасли, работающие в аккредитованных компаниях, специалисты компаний-операторов связи, работники системообразующих СМИ и специалисты финансовой и банковской сфер.

Следует подчеркнуть, что в силу полного отсутствия соответствующего опыта и наработанных практик у административной системы мобилизация реализуется с огромным количеством правовых нарушений. В частности, военкоматы в связке с полицией и муниципальными служащими практикуют массовые облавы в [сёлах](#), на [предприятиях](#), [стройках](#), в университетах и [общежитиях](#), а в [Москве](#) около входов в метро. Пойманных стараются как можно быстрее оформить и отправить на место службы, чтобы минимизировать возможности для сопротивления. Люди часто воспринимают это как беспредел и нарушение своих прав, но не имеют компетенций и опыта правового сопротивления. В этой ситуации правозащитная деятельность со стороны гражданского общества оказывает прямое воздействие на процесс.

Важно отметить, что, в то время как отправка россиян на фронт - это, очевидно, вклад в преступные военные действия России против Украины, не все мобилизованные россияне выступают в поддержку войны и действующего российского режима: многие россияне, осуждающие войну и выступающие против нее, зачастую не располагают доступом к механизмам для отклонения от службы или финансовыми средствами к быстрой эмиграции. Именно поэтому мы видим, насколько актуальной и своевременной является юридическая помощь и поддержка гражданского общества: в данном случае, такая помощь также является анти-военной позицией.

В целом, практики защиты от мобилизации можно условно разделить на индивидуальные и коллективные. К индивидуальным можно отнести прежде всего индивидуальные юридические консультации, организованные, главным образом, эмигрировавшим юридическим сообществом. В частности это ресурсы [Павла Чикова \(Агора\)](#), [Первого Отдела](#) (проект Ивана Павлова и бывшей [Команды 29](#)), [Комитета солдатских матерей](#), [организации «Призыв к совести»](#) и других. К индивидуальным способам также относятся поиск блата — через знакомых и родственников, а также разного рода практики ухода от мобилизации — отсутствие по месту прописки, переезд в другой регион и другие.

К коллективным способам борьбы против мобилизации можно отнести новые стихийные практики самоорганизации — заметнее всего стал упомянутый ниже Совет матерей и жён.

Эффективность этих практик оценить сложно. При этом, можно предположить, что квалифицированная юридическая помощь от правозащитных организаций будет наиболее эффективной в краткосрочном периоде. В долгосрочной перспективе, однако, развивающиеся практики самоорганизации могут стать наиболее действенным и перспективным способом не только ситуационной, но широкой политической борьбы.

Правозащита

Объявленная в сентябре частичная мобилизация в России [вызвала](#) большой рост пожертвований правозащитным НКО. Причём это касается не только организаций, напрямую занятых помощью военнообязанным, но всего направления правозащиты, тогда как в остальном благотворительном секторе сохраняется тренд на падение пожертвований по сравнению с 2021 годом. Подобные всплески происходили в связи с другими масштабными шоками государственного насилия: [в феврале](#) и марте после

начала вторжения, а до этого после массовых протестных [акций](#), сопровождавшихся жестокими задержаниями участников. Из этого можно сделать вывод о том, что общественно-политическая роль правозащитных организаций не изменилась.

Однако мы видим, что правозащитная активность для многих людей компенсирует привычную, но теперь запрещённую общественно-политическую активность. Так, один из юристов предложил правозащитную помощь в своём маленьком телеграм-канале и получил огромное количество обращений. По его словам, такая стихийная переквалификация в правозащитника была способом «сделать хоть что-то, хоть как-то поучаствовать» и компенсировать выпавшие возможности поддержки политических и общественных организаций с близкой ему повесткой. По такому принципу с начала мобилизации (а затем осеннего призыва) возникло много объединений юристов, которые имеют очень малую публичность, но получают большой спрос на правозащиту для мужчин и женщин, которым угрожает мобилизация.

Сбор гуманитарной помощи

Гуманитарная помощь пострадавшим от военных действий и насильственного перемещения жителям Украины также иногда выполняет роль замещения прежних форм общественно-политического участия. К публичным формам этой активности относятся открытые сборы средств и вещей для беженцев и жителей доступных для простых россиян территорий Украины, охваченных боевыми действиями. Есть также такие непубличные формы, как помощь с деньгами, жильём и оформлением документов украинским беженцам, которым по тем или иным причинам опасно обращаться в государственные службы.

Публичные сборы средств проводятся в форме уличных точек сбора и рассылок в соседских чатах. Организационно они похожи на общественные кампании с городской повесткой и экологические акции сбора вторсырья, потому что требуют организации точек сбора и коммуникации с локальной аудиторией. Некоторые такие акции организуются провластными объединениями и околокремлёвскими партиями, в этом случае речь идёт не о самоорганизации, а об организованной административно показательной активности с отчётностью перед начальством. Интересны именно самоорганизованные точки сбора. В этом случае граждане сами связываются с фондами, которые занимаются помощью беженцам, (например, [«Лавка радостей»](#)).

Такие акции удовлетворяют запрос на общественно-политическое участие, поскольку дают опыт коллективного действия (особенно для самих организаторов), вызывают чувство причастности к решению социальных проблем и позволяют безопасно высказывать свою политическую позицию в разговорах с незнакомыми людьми, которые завязываются на точках сбора и в чатах. Организаторами таких акций иногда становятся местные депутаты и активисты с оппозиционными взглядами. Им необходимо поддерживать тонус местного сообщества, а в отсутствие возможностей использовать другие формы участия, как раньше, благотворительные акции для беженцев становятся практически единственной альтернативой, которую власти допускают, поскольку считают их формой одобрения политики правительства.

В Москве похожую роль выполняли акции РСО (раздельного сбора отходов), но после силового разгрома независимых кандидатов на муниципальных выборах возможностей для их организации стало меньше, поскольку уменьшилось количество представителей экоактивистов в местной власти, а сама местная власть стала жёстче и подозрительнее относиться к ним.

Стихийные протесты

Несмотря на жёсткое подавление любой протестной активности, в России появляются очаги открытого коллективного недовольства. Наиболее ярким примером последнего месяца стало [движение](#) «Совет матерей и жён». Особенность этого движения в том, что его участницы преимущественно деполитизированные женщины, которые постепенно приходят к критике правительства, пытаясь решить насущные проблемы мобилизованных родственников. У них пока нет сколь-либо определённых политических взглядов, их настроения и риторика начали обретать оппозиционный характер только после столкновения с равнодушием власти и репрессий против их лидеров. Для российского общества это характерный путь к политической активности: люди начинают перешагивать деполитизирующие барьеры, выстроенные государством, когда непосредственно сталкиваются с «близкими к дому» проблемами, как это показывают примеры протестных экологических движений и оппозиционных муниципальных депутатов.

Сейчас они выдвигают требования, касающиеся содержания их родственников в армии, и ведут общественную кампанию с петициями и пикетированиями. Косвенно по их высказываниям можно сделать вывод, что они равноудалены от всех политических

сил и не симпатизируют партиям и политикам (что свойственно деполитизированным гражданам), но сохраняют базовую лояльность президенту, направляя свой гнев на его подчинённых, но не на него напрямую.

По предыдущему опыту возникновения и развития подобных протестных движений можно предположить, что власть постарается кооптировать их лидеров и мягко развалить движение изнутри, а если это не получится, перейдёт к силовому подавлению через задержания и административные (или даже уголовные) дела.

Их способность сопротивляться этому и добиваться своего будет сильно зависеть от численности движения. Сейчас затруднительно оценить количество активно участвующих женщин. На их телеграм-канале около 23 тысяч подписчиков (количество реакций на посты косвенно подтверждает, что они преимущественно настоящие). При этом их потенциальная аудитория гораздо шире, учитывая, что сотни тысяч женщин в России находятся в схожей ситуации.

Отметим, что их пытаются кооптировать русские националисты, которые не имеют прямого отношения к Кремлю и критикуют правительство за недостаточные успехи в обеспечении войны. Они могут предложить свою ультрапатриотическую повестку для подобных стремительно реполитизирующихся групп, привлекая их своими организационными способностями. В частности, московский националист [Роман Юнеман](#), который ранее строил карьеру умеренно правого оппозиционера, участвуя в выборах, сейчас открыто участвует в движении русских националистов, поддерживающих войну, и собирает средства на гуманитарную помощь жителям оккупированных территорий от имени этого движения.

Сценарии

В соответствии с такими вводными можно выделить несколько основных сценариев развития практик противостояния мобилизации.

1. Индивидуальная юридическая помощь выходит на качественно новый уровень с точки зрения экспертизы, расширяются ресурсы поддержки от эмигрантского сообщества. При этом практики самоорганизации в России не имеют успеха, активные участники таких движений отчаиваются и прекращают борьбу, общество остаётся в атомизированном состоянии. Самоорганизация затухает.

При текущих тенденциях усиления силового и репрессивного аппарата этот сценарий кажется наиболее вероятным. При этом, существует две угрозы, которые сделают эффект индивидуальных практик ограниченным. Во-первых, силовые структуры смогут найти способы обрыва поддержки из-за рубежа — блокировка интернет-ресурсов, телеграм-каналов и ботов и т.д. Во-вторых, при расширяющихся масштабах мобилизации службы помощи могут быть ограничены в возможностях масштабирования своей деятельности.

2. Индивидуальная юридическая помощь выходит на качественно новый уровень с точки зрения экспертизы, расширяются ресурсы поддержки от эмигрантского сообщества. При этом практики самоорганизации распространяются по всей России, возникают новые сообщества в национальных республиках, в депрессивных регионах и в атомизированной части общества.

При расширении масштабов такого стихийного движения весьма вероятно расширение повестки таких организаций и появление политических требований. При таком развитии событий движения станут существенным фактором не только с точки зрения военных успехов российской армии, но и с точки зрения дестабилизации внутривнутриполитической обстановки. Востребованным может оказаться использование антимобилизационной повестки в электоральных кампаниях летом 2023 года. Нужно подчеркнуть, однако, что пока предпосылок для образования массового движения не наблюдается.

3. Индивидуальная юридическая помощь стагнирует и затухает под действием репрессивных государственных ограничений. Апатия в обществе усиливается, потенциал сопротивления падает до рекордно низких в постсоветской истории уровней.

Этот сценарий выражает риски утраты практик индивидуальной поддержки для всего российского общества.

Заключительные выводы и рекомендации

Суммируя всё изложенное, можно сказать, что существенной характеристикой российского общества спустя восемь месяцев после начала войны является его

промежуточное положение между уходящими старыми практиками в политической, социальной, культурной сферах и попытками нащупать новые практики и формы взамен. При этом во всех рассмотренных сфера ситуация колеблется между прошлым атомизированным состоянием (в котором мобилизация трактуется как частная проблема тех, кто плохо скрывался и не имел возможности уклониться) и потенциальным новым состоянием солидарности (в котором мобилизация воспринимается как общая проблема, не решаемая индивидуальными усилиями и требующая взаимопомощи).

В связи с этим перспективными видятся следующие направления взаимодействия гражданских сил России и Европы:

1. Открытость для сотрудничества с новыми объединениями граждан, ещё не получившими репутацию в гражданском обществе.

Поскольку многие старые организации и активистские группы вытеснены из страны, следует обратить внимание на вновь появляющиеся горизонтальные формы самоорганизации, природа которых соответствует новым российским условиям. Следует учитывать, что риск такого сотрудничества в том, что новые гражданские объединения могут быть сильно деполитизированными (что означает преобладание в них лояльности власти), как в примере с «Советом матерей и жён», и в силу этого не иметь ожидаемых либерально-демократических ценностей и вообще как-либо сформированных политических взглядов. Также они чаще всего не имеют никакой преемственности к предыдущим организациям российского гражданского общества, что затрудняет задачу коммуникации с ними.

2. Приоритет проектов, направленных на солидаризацию и коллективные действия, перед атомизирующими практиками индивидуальной самозащиты.

Сейчас большинство проектов российского гражданского общества (большая часть которых теперь находится за рубежом) ориентированы на стратегии индивидуальной защиты — эмиграцию и поиск юридических оснований для защиты от мобилизации и призыва. В краткосрочной перспективе это важнейшая деятельность, которая спасает жизни и свободу граждан, но с учётом описанных в докладе условий её нельзя считать достаточной. Мобилизация создала условия для солидаризации и коллективного

сопротивления действиям государства в тех группах, которых оно раньше не затрагивало и которые по умолчанию относились к нему лояльно. В комбинации с дефицитом возможностей для общественно-политического участия в новых репрессивных реалиях это может дать качественно новые формы гражданского участия. В долгосрочной перспективе это может иметь большой эффект.

3. Усиление безопасности каналов взаимодействия гражданского общества России и Европы.

Государственные политические менеджеры в России хорошо понимают всё описанное выше и стараются предотвратить появление солидаризации и коллективных действий вокруг новых вызовов для общества. Есть основания считать, что с особым вниманием оно относится ко всем зарубежным контактам граждан, участвующих в публичной общественной жизни. Поэтому помимо возможностей и вызовов необходимо учитывать новый уровень рисков для жизни и свободы граждан, проявляющих активную гражданскую позицию и контактирующих с гражданами стран Европы. Необходимо изучить новые репрессивные условия и практики и адаптировать под них принципы безопасности.